

Что касается Юн Шаня, тот не боялся морозного дыхания ветра. Стоя под потоками северного зимнего ветра, юноша, казалось, был полон энергии и жизненной силы. Юн Шань распрямился, и на губах его заиграла лёгкая улыбка, которая, однако, тут же исчезла. Вернув себе серьёзное выражение лица, Юн Шань обернулся к Чжан Чэню и спросил:

— Скажи, если у наложницы нет ребёнка, может ли она стать императрицей?

Чжан Чэнь обомлел. Этот вопрос сейчас звучал крайне неуместно. Поглядев в искрящиеся глаза Юн Шаня, которые выжидающе смотрели на него, мужчина поспешно ответил:

— Боюсь, нет.

— Молодец. — Окинув Чжан Чэня довольным взглядом, Юн Шань обернулся. Его взгляд скользнул по стене и устремился в небо, туда, где была полоса горизонта. Тяжело вздохнув, принц вновь поглядел на Чжан Чэня, будто ещё не всё сказал. — Родной сын — это корень и ствол матери. И если бы не я, то императрица Шу никогда бы не получила свой титул. Теперь то ты понимаешь, о чём я?

— Да, Ваш слуга понимает.

— Понимаешь, чьё слово весомее?

— Ваш слуга понимает. — Неизвестно почему, но, стоя на таком открытом и ветряном месте, Чжан Чэнь почувствовал, как спина его покрылась испариной.

Этому равнодушному и невозмутимому юноше, который сейчас стоял перед чиновником и внимательно вглядывался в полосу горизонта, было всего шестнадцать лет, но, несмотря на это, его ровный тон и слова заставляли дрожать любого взрослого человека.

— А теперь, Чжан Чэнь, слушай меня внимательно.

Страх, который появился после глубокого тона Юн Шаня, нахлынул на Чжан Чэня, и мужчина, повиновавшись, невольно завис в поклоне и наострил уши. Заведя руки за спину, Юн Шань заговорил, подчёркивая каждое слово:

— Если во Дворце Наказаний хоть волосок упадёт с головы Юн Ци, я из тебя душу вытрясу.

В итоге допрос Юн Ци в одночасье превратился лишь в жалкую видимость допроса. Принц делал всё возможное и невозможное, чтобы сохранить своё самообладание и не сломаться под натиском Чжан Чэня, который теперь весьма умело играл роль злого мучителя, но, если в это дело вмешается ещё кто-нибудь, то Юн Ци превратится в тыкву, из которой и слова не вытянешь[1].

Сам же Юн Ци чувствовал себя крайне необычно. Орудия пыток, что до этого пугали не на шутку, всё ещё были там, как и злобный вид Чжан Чэня, который тоже пугал чуть ли не до дрожи. Сам же Чжан Чэнь едва держался, чтобы не приступить к пыткам, однако, несмотря на всё это, он больше не повернулся к стене, не притронулся к этим ужасным орудиям и не стал пытаться несчастного Юн Ци.

Те немногие слова, что были сказаны людьми его окружения и в которых было лишь небольшое упоминание о несчастной судьбе, сейчас закружились в воспоминаниях Юн Ци.

Над драконом, лежащем на отмели, может смеяться даже креветка[2]. У этого подлого,

коварного мужчины, который стоял перед ним и хищно смотрел на него, словно тигр на свою добычу, не было сердца. Он был жестоким и с лёгкостью мог подвергнуть того, кто когда-то имел хоть какой-то почёт, чудовищным пыткам.

— Ваше Высочество, уже полдня прошло. Вы не собираетесь признавать свою вину? — Чжан Чэнь скрутил свиток и, прищурившись, поглядел на юношу.

— Если Вы меня спросите, то я всё честно Вам расскажу, однако я не собираюсь признавать несуществующую вину, — сказав это, юноша снова слегка поджал губы, выдавая своё напряжение и волнение. Он был слишком молод, чтобы вынести подобное унижение с гордо поднятой головой.

После двух часов допроса у Юн Ци во рту пересохло, от тяжести канги, в которую он до сих пор был закован, ужасно болели плечи. Переведя взгляд, Юн Ци поглядел на яркий огонёк, что горел на противоположной стороне. Взгляд его сделался задумчивым, серым. Казалось, что юноша постепенно привыкал к этому огню и мрачным стенам Дворца Наказаний и уже больше не чувствовал того страха, что до этого охватывал его душу. Он боится, очень боится, но разве это ему поможет?

— Все Ваши слова я должен буду представить императору.

— Как хотите.

Тонкие и изящные брови никогда не приподнимались, даже когда на его губах играла холодная усмешка, а глаза, даже когда были полны гнева, оставались всё такими же тёплыми. Юн Ци не шёл ни в какое сравнение с Юн Шанем. Даже если Юн Шань и улыбался, любуясь чем-то, его взгляд всё равно излучал блеск, от которого кидало в дрожь. Во время допроса Юн Шань хранил молчание, однако его взгляд, что был устремлён на Юн Ци, заставлял чувствовать себя, как на иглоках. И на что он так смотрит?

Не только лицо, не только руки, не только ноги или тело, одежда, манеры, даже взгляд Юн Шаня — всё это было пропитано холодом.словно сетка, сделанная из тысячи клинков, которая окутывала Юн Ци с ног до головы, врезалась в тело и душу, разрезая на тысячу кусочков. Юн Ци отвернулся, снова избегая колкого взгляда Юн Шаня. Тот холодно усмехнулся, заметив это.

— Ваше Высочество, на сегодня допрос окончен. Все ответы занесены в документ. Прошу, ознакомьтесь. — И, приведя свитки в порядок, Чжан Чэнь осторожно протянул документы Юн Шаню.

— Убери это от меня. — Юн Шань даже не потрудился взглянуть на свиток, а после с лёгкой вымученной улыбкой произнёс: — Я приехал сюда, чтобы увидеться с человеком, какое отношение ко мне имеет этот свиток? — Он поднялся с места и привёл в порядок свою одежду.

Заметив, что Юн Шань направляется к двери, Чжан Чэнь, взяв с собой ещё двух министров, поспешил за ним.

— Ваше Высочество хорошо сегодня потрудился. На улице холодно, нужно было подготовить для Его Высочества тёплый паланкин...

— Кто сказал, что я ухожу? — спросил Юн Шань, даже не повернув головы. — С комнатой допроса я уже ознакомился. Что дальше? Тюрьма? Проводи меня туда, хочу её осмотреть.

После вчерашнего разговора с императрицей Шу Чжан Чэнь хотел как можно скорее

разделаться с Юн Ци, и поэтому он подготовил для принца ветхую камеру, где тот мог покончить жизнь самоубийством. Но сейчас, глядя на внимание со стороны Юн Шаня, мужчина понимал, что с Юн Ци теперь нужно обходиться деликатнее.

Будучи далеко не глупым человеком, Чжан Чэнь проводил Юн Шаня до самой тюрьмы. Он не повёл принца в уже подготовленную маленькую камеру по весьма понятным причинам, и вместо этого они отправились к другой, самой просторной камере во всём Дворце Наказаний. Впустив Юн Шаня внутрь, Чжан Чэнь прошёл за ним. И, оказавшись в просторном помещении, мужчина с улыбкой на губах сказал:

— Вот она, эта камера. Ваше Высочество, что думаете?

— Довольно большая, — сказал Юн Шань, — только здесь немного холодно.

— Нет, на самом деле она тёплая. Здесь есть печка, и она уже заправлена. Час назад здесь никого не было, вот помещение и остыло. Сейчас Ваш слуга её мигом растопит.

Ничего толком не сказав, Юн Шань начал медленно расхаживать и разглядывать помещение. Сделав круг, Его Высочество сказал:

— Запомни, что я скажу. Во-первых, не стоит разжигать печь. Помещение большое, и если затопите, здесь будет душно.

— Слушаюсь! — отозвался Чжан Чэнь. Но мужчину всё же терзали смутные сомнения. — По-правде сказать... — заговорил он, — мы ещё ни разу не пользовались ей.

— Печь топить нельзя. Это открытый огонь, плюс ко всему в нём ещё раскалённые угли. — На лице Юн Шаня не появилось ни одной эмоции. — У тебя в подчинении сотни людей, и тебе давали трое суток, неужели ты ещё не сделал маленький туннель, чтобы выводить горячий воздух[3]? Если это так, то ты абсолютно не можешь вести дела.

— Что Вы такое говорите, Ваше Высочество? Это не стоит и трёх дней, хватит и полутора суток. — Но услышав какие-то подозрительные нотки в голосе Юн Шаня, Чжан Чэнь резко изменил тактику и, обдумывая каждое своё слово, заговорил: — Не переживайте, я ни за что не позволю Его Высочеству Юн Ци замёрзнуть. Несмотря на то, что Ваш слуга ведёт себя жестоко по отношению к Его Высочеству Юн Ци, он всего лишь исполняет приказ. Тут ничего не поделаешь. Разве кто-то желает зла Его Высочеству? У нас и в мыслях не было чинить препятствия, мы желаем только добра Его Высочеству. В конце концов, разве смогут родные братья смотреть на страдания Юн Ци? Нет. У Вас сердце не выдержит, ведь оно у Вас очень доброе, прямо как у императора. Ваш слуга всё понимает.

Ах, какой лицемер.

— Ничего ты не понимаешь, — холодно процедил Юн Шань. В холодной мрачной тюрьме промелькнул яркий блеск, который время от времени появлялся в пронзительном и остром взгляде Юн Шаня. Этот блеск был подобен молнии, что разрывала пелену серых туч, окутавших небо. Слегка облизав тонкие губы, Юн Шань медленно заговорил: — Это мой старший брат. Он хоть и мягок снаружи, но твёрд внутри. Однако, столкнувшись с проблемой, ему нелегко из неё выпутаться. Поэтому ты... должен внимательно за ним приглядывать.

Последняя фраза была сказана так тихо, что её было трудно расслышать. Вопреки этому, возникала ещё одна довольно-таки серьёзная опасность. Причём возникала она ни с того, ни с сего.

Какое-то время Чжан Чэнь стоял, словно оторопев, но потом резко вздрогнул, и к нему внезапно пришло осознание. Этот холодный и замкнутый принц, оказывается, переживает за то, что Юн Ци может здесь умереть! Мужчина тихо, почти незаметно поднял взгляд и исподтишка поглядел на красивого юношу, что стоял перед ним.

Его Высочество Юн Шань — второй старший принц. Хоть и Чжан Чэнь с ним толком и не общался, но слуги, что прислуживают ему, твердят, что Юн Шань очень угрюмый, холодный, жестокий, язвительный, бессердечный, и его абсолютно невозможно понять. Ему сложно угодить. Это Чжан Чэнь и сам понял, проведя с ним около трёх часов.

Что же касается его отношений со старшим братом, тут всё неоднозначно. Сказать, что он благосклонно относится к Юн Ци нельзя. Во время допроса он не сказал ему ни единого доброго слова, даже ему не улыбнулся. Но и сказать, что он ненавидит Юн Ци, тоже нельзя. Ведь Юн Шань не только боится, что во Дворце Наказаний его брату могут навредить, но и опасается, что Юн Ци может свести счёты с жизнью.

Что же, чёрт возьми, происходит?

Но мужчина не стал на этом долго заикливаться. Быстро наклонив голову и зависнув в поклоне, Чжан Чэнь сказал, хмуря брови:

— Ваше Высочество, Ваш слуга всё понял. Ваш слуга тщательно наведёт порядок. И будьте уверены, ни один волосок, ни одна иголочка не останутся незамеченными.

Слабо улыбнувшись, Юн Шань вновь приступил к инструктажу.

— Во-вторых, — заговорил он привычным ровным голосом, — попроси кого-нибудь повесить на стену несколько колец.

— Кольца?

— Да, и пусть они как следуют их закрепят, чтобы их никто не смог оторвать от стены. Хм? Ты что, окаменел? — Заметив странное выражение лица Чжан Чэня, Юн Шань равнодушно поглядел на мужчину, а затем сказал: — Ты же постоянно наказываешь пленника, чтобы запугать его, а если он тебя не слушает и отчаянно сопротивляется, как тогда ты его усмиряешь? Связываешь? В конце концов, хватит притворяться.

И тут Чжан Чэнь всё понял. Повторив, что ему всё ясно, мужчина с невнятной ухмылкой на губах сказал, поясняя:

— Просто сначала Ваше Высочество говорил про печь, и Ваш слуга подумал, что Вы и дальше будете говорить про неё. Поэтому и расслабился. Для меня было неожиданностью, когда Вы заговорили про орудия пыток. Прошу не беспокоиться, Ваше Высочество, у нас есть куча колец. Мы приколотим сюда пять или шесть, да так крепко, что ни человеку, который будет привязан к ним, ни даже обезьяне не удастся вырваться на свободу. А если всё же это произойдёт, Вы можете отрубить Вашему слуге голову. Мы сейчас же исполним Ваш приказ и приколотим не только кольца, но и цепи.

— Нет, цепи не нужны. Лучше найдите что-то эластичное, чем можно будет связать руки и ноги. Это что-то должно быть удобным, но крепким.

— А...

— Что, не найдётся? — Юн Шань поглядел на мужчину и натянуто улыбнулся.

— Нет-нет, как у нас может не быть того, что просит Ваше Высочество? — ответил Чжан Чэнь, сердцем ощущая исходящий от принца холод. Не удивительно, что ему запретили наказывать принца. Его Высочество оградил от смерти своего старшего брата, так как с самого начала хотел сам...

Две наложницы — Шу и Ли — будучи одними из самых влиятельных женщин во дворце, постоянно боролись между собой за титул, и это вполне естественно, что одну из них сбросили с уютного местечка.

Но родные братья... Родной брат даже отказался от наказаний старшего, чтобы собственными руками уничтожить его. Такое жестокое и коварное сердце действительно пугало и ошеломляло. Казалось, что даже сам Чжан Чэнь не был способен на такую жестокость. Он не мог представить ситуацию, которая заставила бы его возжелать мучений своего брата. К тому же кольца с эластичной верёвкой, которая будет связать руки и ноги... Похоже, принц хочет подготовить пленника к медленным и постыдным пыткам.

Неужели у шестнадцатилетнего принца, который считается наполовину повзрослевшим ребёнком, который родился и вырос во дворце вместе со своим братом, полон такой ненависти? Такой жестокости? Даже такой бессердечный человек, как Чжан Чэнь, невольно вздрогнул. В какой-то момент, стоящий перед ним юноша из яшмового дерева, в котором запуталось дыхание ветра, превратился в настоящее исчадие ада. А его брошенный взгляд заставлял сердце заходиться от страха.

Не удивительно, что прославленный своей добротой принц не смог соперничать с ним и пришёл к такому плачевному финалу.

Склонив низко голову, Чжан Чэнь вымучено улыбнулся и осторожно, льстиво заговорил:

— У Вашего слуги есть набор эластичной верёвки высшего качества. Мне её один хороший друг привёз издалека, редкий экземпляр. Сама верёвка прочная и эластичная, и я не знаю, из чего её сделали, но её даже нож не берёт. Она очень мягкая, прочная и как раз подходит для связывания людей. Если Ваше Высочество не будет против, Ваш слуга сейчас же её принесёт Вам.

— А ты знаешь своё дело. Раз она такая эластичная и прочная, как ты говоришь, то определённо должна подойти, — сказал Юн Шань, и на его суровом лице появилась лёгкая тень улыбки. — За твою работу я вознагражу тебя полусотней серебра. Завтра приезжай во Дворец, и я отдам тебе твою награду.

— Нет-нет-нет! Я лишь хочу угодить Вашему Высочеству. У меня язык не повернётся требовать с Вас награду. Нет-нет-нет!

— Ты возьмёшь свою награду. — Улыбка на губах Юн Шаня исчезла. — Я терпеть не могу, когда кто-то идёт наперекор моим желаниям. Награждать, наказывать, возвышаться, падать, рождаться, умирать — всё должно происходить так, как я этого захочу.

Чжан Чэнь немного помедлил, а затем сдался:

— Ваш слуга благодарен Вашему Высочеству за щедрую награду.

Довольно поглядев на Чжан Чэня, Юн Шань снова окинул взглядом камеру. Похоже, что

юноша остался доволен. Закончив осмотр, Юн Шань направился к выходу.

— Я не всё сказал, — не оборачиваясь, сказал Юн Шань. — Помимо вышеуказанных двух пунктов, есть ещё и третий. Я заметил, что ты далеко не идиот, и мне не нужно его озвучивать.

— Не нужно, — отозвался Чжан Чэнь и продолжил: — Рядом с этой большой камерой есть одна маленькая, в которой находится другой преступник. Я сейчас же распоряжусь, и его переведут в другое место, чтобы никто не мешал Вашему Высочеству допрашивать Юн Ци. Министрам было приказано заботиться о королевских пленниках, которые могут попасть во Дворец Наказаний, и потому все они могут держать язык за зубами, поэтому Ваше Высочество на этот счёт может не переживать. Всё, что здесь произойдёт, останется в этих стенах, а слуги не проронят ни слова. — Понизив голос, мужчина продолжил: — Ваш слуга подготовит не только инструменты, но и заживляющие мази, которые могут понадобиться Вашему Высочеству.

— Какие ещё инструменты? Какие мази? — Услышав это, Юн Шань обернулся и поглядел на Чжан Чэня. — Ты думаешь, — ухмыляясь, спросил он, — что я собираюсь лично пытаться Юн Ци? Что за вздор?!

Покачав головой, Юн Шань вновь отвернулся, не желая видеть Чжан Чэня. Больше он ничего не сказал. Они вместе вышли к воротам внутреннего Дворца Наказаний и принц, молча сев в маленький паланкин, отправился к себе во дворец.

Примечания:

[1] Фраза из книги «Сны в красном тереме»: «Но ты ни на что не способна, у тебя вместо головы тыква, нужное слово с языка не слетит!». Означает «нем как могила».

[2] Когда некий авторитет утратил своё могущество, над ним может насмеяться даже самый низший из людей.

[3] Кан (кит. трад. 炕, пиньинь: kàng; маньчжурский: nahan), — традиционная система отопления в крестьянских домах северного Китая и Кореи. Впрочем, известны примеры кана, обогревавшего весь пол помещения, и в Китае; там такая система была известна как «дикан» (地炕), то есть «пол-кан». В «Хань шу» рассказывается: «Копают в земле ровик и пускают отопительный огонь».

<http://bllate.org/book/13372/1189539>